

взаимопомощи, подающая уже благодаря этой двойной ценности, столько надежд, призвана играть значительную роль в будущем. Эта роль будет состоять, главным образом, в управлении крупными орудиями производства и в исполнении известных работ, требующих в одно и то же время большого разделения труда и значительной коллективной силы.¹⁾

Точно также у Прудона заимствована идея революционных синдикалистов о замене политической организации—организацией производства, при которой все акты гражданина вне производственной области будут рассматриваться, как акты чисто индивидуальные, входящие в сферу личных действий. Лабриола, развивающий и обосновывающий эту идею в своих статьях, пишет, что политическая власть растворится тогда во власти экономической. Замечательно, что даже сама эта формула взята у Прудона, который именно так озаглавил тот отдел своей книги, в котором он разбирает этот вопрос: „Dissolution du gouvernement dans l'organisme économique“. Суровый индивидуалист Прудон принимал экономическую организацию с чисто производственными целями, основанную не на принципе „ассоциации“, а на принципе взаимности, и регулирующую контрактом, заключенным между ее членами, рассматриваемыми, как равные друг другу.²⁾

Но вместе с тем, по Прудону, эта организация должна была оставлять индивидууму полную свободу вне сферы производства и не накладывать на него никаких обязанностей за ее пределами.

Аргументация революционных синдикалистов в вопросе о растворении политической власти в экономической в основных чертах повторяет то, что говорил Прудон по этому поводу: „Чем заменим мы правительство?—Индустриальной организацией. Чем заменим мы политическую власть?—Экономическими силами. Чем заменим мы бывшие классы дворян, крестьян, буржуа, пролетариев?—Категориями и специальными функциями: земледельцами, индустрией, торговлей и т. д. Чем заменим мы общественную силу?—Коллективной силой. Чем заменим мы политическую цен-

¹⁾ Proudhon „Idée générale de la révolution en XIX siècle“, p. 99. Paris—Librairie internationale. 1873.

²⁾ Прудон различал между ассоциацией и единением сил для экономических целей. Ассоциация, по его мнению, накладывает на своих членов обязанности и ответственность, не вытекающую из экономических потребностей или из принципа взаимности; она накладывает их в силу самого принципа ассоциации. Единение же сил и капиталов создается только с целью получения выгод, которых нельзя было бы получить без этого единения, и оно основано исключительно на взаимности: „do ut des“. Насущная проблема современности, по мнению Прудона, заключается в выработке таких форм единения сил, которые давали бы производителям максимум независимости и требовали бы от них минимума солидарности.

трализацию?—Экономической централизацией“ (курсив мой—Е. С.) и т. д.³⁾

Наконец, отрицательное отношение к демократии, как к форме политического строя также ведет свое происхождение от Прудона, хотя революционные синдикалисты вносят в свою критику и кое-что новое, оригинальное. Прудон доказывал, что и при демократии самодержавие народа есть не более как фикция, ибо, когда в демократии все власти будут делегированы, все общественные функции розданы, когда народ будет представлен сверху, посредине и снизу, и когда окончности должны будут повиноваться центру, то самодержец (народ Е. С.) будет равен нулю.⁴⁾ „Как, — писал он в другом месте, —можно примирить избирательное право с иерархией чиновников? Принцип, что никто не должен повиноваться закону, если он не дал предварительного ему своего одобрения, с правом большинства?“⁵⁾ Все это мы почти буквально находим у теоретиков революционного синдикализма. Что касается принципов федерализма и автономии, которые являются неотъемлемой частью их учения, и которые они защищают с таким жаром, то нечего, конечно, доказывать, что это суть принципы чисто прудоновские.

Но у революционных синдикалистов, кроме марксизма и прудонизма замечаются еще и некоторые тенденции, очень сходные с тенденциями бланкизма. Так, например, Сорель и его единомышленники приписывают огромное значение смелому, энергичному меньшинству, действия которого могут быть решающими, как в дореволюционный период, так и в момент революции. На этой мысли особенно настаивает Пуже, а в цитированной мною брошюре французского Конфедерального Комитета „Grève générale réformatrice et grève générale révolutionnaire“ авторы именно и представляют себе грядущий переворот, как начатый сознательным меньшинством. Они при этом ссылаются на историю, из которой явствует, будто бы, что все революции были делом рук меньшинства. Такой взгляд является, конечно, доказательством глубокой веры революционных синдикалистов в инициативную роль личности в противовес марксистам, помещающим ее на запятках исторической колесницы, но вместе с тем, это есть опять таки перегибание палки в другую сторону и это есть взгляд, стоящий в довольно резком противоречии с основной концепцией революционного синдикализма.⁶⁾

³⁾ Proudhon. Ibidem, p. 259.

⁴⁾ Proudhon. Contradiction politique du mouvement constitutionnel, p. 198. Paris—Librairie internationale.

⁵⁾ Proudhon. Idée générale etc., p. 251.

⁶⁾ Революционные синдикалисты отличаются однако, значительно в данном случае от бланкистов. Последние, как известно, видели роль меньшин-